

СЕКРЕТНОЕ ДОЗНАНИЕ О В. С. ФИЛИМОНОВЕ

К ИСТОРИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ДЕКАБРИСТОВ
ПОСЛЕ 1825 г.

Сообщение Ю. Б. Неводова

Реакция, наступившая после поражения декабристов, обусловила новые организационные формы подпольной кружковой работы.

Идейным центром, воспитывавшим во второй половине 1820-х — начале 1830-х годов революционные настроения, стал Московский университет. Студенты объединялись в полулегальные и нелегальные кружки, беседовали на политические темы, читали и распространяли запрещенную литературу, обсуждали достижения передовой философской мысли Запада, пели революционные песни Рыдеева и Бестужева. Эти кружки не были изолированы один от другого и члены их находились между собой в постоянном общении. Так, Я. И. Костенецкий, участник кружка Н. П. Сунгурова, был хорошо знаком не только с Герценом, Сатиным и Огаревым, но и с Я. М. Неверовым и Н. В. Станкевичем. Неверов завязал в 1831 г. отношения с кружком Н. С. Селивановского, в котором представители старшего поколения московской передовой разночинной интеллигенции (братья Н. А. и К. А. Полевые, М. С. Щепкин, П. С. Мочалов, А. Ф. Вельтман и другие) встречались с В. П. Боткиным, Н. Х. Кетчером, а впоследствии и с Белинским¹.

В июне 1831 г. московской агентурой III Отделения была открыта тайная организация, объединявшая некоторых студентов Московского университета и его бывших воспитанников, с Н. П. Сунгуровым во главе. Судя по секретным донесениям студента Ивана Поллонина², выдавшего тайную организацию, члены ее стремились к введению в России конституции, а лучшим средством для достижения этой цели считали вооруженное восстание. Поллонин сообщил властям о связях членов кружка с офицерами московского гарнизона и об их надеждах привлечь на свою сторону широкие массы крестьян. Он же писал о том, что сунгуровцы планировали поход на Тулу для захвата оружейного завода и рассчитывали поднять против самодержавия не только некоторые воинские части, но и «возмутить находящихся на фабриках людей и всю чернь московскую»³.

В числе лиц, привлеченных по делу Сунгурова, неожиданно оказался и архангельский гражданский губернатор В. С. Филимонов, старый литератор и переводчик, автор поэмы «Дурацкий колпак»⁴, сверстник и приятель Жуковского⁵, Воейкова, Батюшкова⁶. В апреле 1818 г. Филимонов был избран почетным членом Петербургского Больного общества любителей российской словесности, объединявшего в своих рядах передовых литераторов, близких к первым тайным организациям декабристов⁷. В Москве Филимонов подружился с братьями Н. А. и К. А. Полевыми⁸, в Петербурге сблизился с А. А. Бестужевым и принимал участие в «Поярной звезде»⁹. В рядах оппозиционной литературной общественности

Филимонов остался и после 14 декабря. Пушкин увековечил автора «Дурацкого колпака» в известном послании «В. С. Филимонову» («Вам музы, милые старушки, / Колпак связали в добрый час...»)¹⁰. Послание полно политических намеков и свидетельствует о том, что Пушкин имел все основания считать Филимонова своим единомышленником. К числу близких знакомых Филимонова принадлежал в конце 1820-х годов и П. А. Вяземский¹¹.

Ни по возрасту (ему в 1831 г. было 44 года), ни по происхождению, ни по материальному и служебному положению (Филимонов был помещиком, владельцем водочного завода, имел чин действительного статского советника и занимал, как мы уже упоминали, пост архангельского гражданского губернатора) этот крупный чиновник и известный писатель, казалось бы, ничего не мог иметь общего ни с самим Сунгуровым, ни с революционной молодежью из его кружка. Для Филимонова, тесно связанного с кругами дворянской оппозиционной интеллигенции, примыкавшей к декабристам, сунгуровцы были людьми иной среды, представителями чуждого ему поколения революционеров. Органических связей и идейной близости никогда между ними не было. Это не помешало, однако, руководителям кружка попытаться использовать имя и авторитет малознакомого им архангельского гражданского губернатора для укрепления престижа своей организации. Что же касается самого Филимонова, то он, видимо, вовсе не был осведомлен о конкретных политических планах революционного кружка Сунгурова.

О причастности Филимонова к тайной организации Сунгурова в доносах И. Поллонина сообщалось немного. Поллонин утверждал, что архангельский гражданский губернатор «сочувствовал этому обществу и просил прислать к нему на службу кого-нибудь из членов». Несколько подробнее на роли Филимонова Поллонин остановился при изложении планов Сунгурова: «...13 июля <1830 г.> еще Сунгуров говорил, что если же эти все планы их не исполнятся, то тогда им можно будет очень легко бежать, только пробраться до Архангельска, а там, как гражд<анский> тамошний губернатор Филимонов в их обществе и сам должен будет опасаться открытия и бежать, то он приготовит им корабли, и они могут бежать в Англию или куда им будет угодно»¹².

Филимонов был арестован в Архангельске в первых числах июля 1831 г. и по личному распоряжению Николая I препровожден не в Москву, где производилось в это время дознание по делу Сунгурова и его сообщников, а в Петербург, в Петропавловскую крепость. Следствием по делу Филимонова руководил сам царь, опираясь на аппарат Главного штаба. По окончании «дела» Филимонова все материалы о нем частью переданы были из канцелярии Главного штаба в архив Главного аудиториата, часть осели в фондах III Отделения¹³.

19 июля 1831 г. начальник Главного штаба от имени Николая I предложил Филимонову откровенно рассказать все известное ему о «преступном сообществе», членом которого он якобы состоял:

«По случаю нового открытия некоторых злоумышленников против законной власти, стремившихся нарушить общее спокойствие к достижению своей цели, правительству стало известно, что Ваше превосходительство принимает участие в сем преступном сообществе. Государь император тем с большим соболезнованием получил известие о таковом несчастном событии, что не ожидал оно от лица, коему по особой монаршей доверенности поручено начальство и охранение благосостояния обывателей в целой губернии. Не менее того, однако ж, его величество уважал звание Ваше и пост, Вами занимаемый, и желая с отеческим милосердием найти в собственном Вашем чистосердечном признании возможность облегчить участь Вашу, соизволил высочайше повелеть нам

ПРОЗА И СТИХИ

ВЛАДИМИРА ФИЛИМОНОВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЗА.

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

1822.

ПРОЗА И СТИХИ

В. Филимонова

*Me ne me, eprouvons pas, mais, pour, être
pas de m'oublier*

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1822

V

*Съ Славянской
Графа Федру Петровичу
Толстому*

et

искренно преданномъ ему

В. Филимонова

М. 18 - 4

1822

С. П. бургъ

ПРОЗА И СТИХИ

В. Филимонова

*Me ne me, eprouvons pas, mais, pour, être
pas de m'oublier*

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ
1822

V

«ПРОЗА И СТИХИ» В. С. ФИЛИМОНОВА. ИЗД. 1822 г.
ЭКЗЕМПЛЯР С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ АВТОРА Ф П. ТОЛСТОМУ
«Его сиятельству графу Федору Петровичу Толстому от искренно преданного ему
В. Филимонова. Мая 18, 1822, С. П. бургъ»
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

объявить Вашему превосходительству, дабы вы, прежде нежели дан будет формальный ход сему делу, изъяснили нам письменно, со всею откровенностью, все подробности, касающиеся до участия Вашего в сообществе злоумышленников; показали все лица, сообщество сие составляющие, и открыли все их действия и намерения. Если, впрочем, Вы желаете открыть одному токмо государю императору все, что известно Вам по сему предмету, то высочайше позволяется Вам написать об оном прямо его величеству в запечатанном пакете, который будет в таком виде доставлен в собственные его величества руки»¹⁴.

Филимонов в самой решительной форме отверг предъявленные ему обвинения в причастности к тайной организации и в течение нескольких месяцев настаивал на том, что он является жертвой злостной клеветы.

11 августа 1831 г. шеф жандармов Бенкендорф обратился с письмом в Московскую следственную комиссию, предлагая сообщить ему показания обвиняемых по делу Сунгурова «касательно прикосновенности к их замыслам архангельского гражданского губернатора»¹⁵. Во исполнение этого предписания Московская следственная комиссия 21 августа 1831 г. отправила в Петербург специальную «выписку» о Филимонове¹⁶. В ноябре следующего года эта выписка была дополнена справкой, посланной в Аудиториатский департамент и вытребованной затем оттуда графом А. И. Чернышевым для Бенкендорфа¹⁷.

В этих документах получил отражение весь ход московского дознания, приведшего к снятию с Филимонова подозрений, послуживших поводом к его аресту.

На следствии вскрылась несостоятельность доноса Поллонина и непричастность Филимонова к тайной организации. Главные подсудимые — Н. П. Сунгуров и Ф. П. Гуров — категорически отвергли утверждения Поллонина о тесном сотрудничестве Филимонова с сунгуровцами и о его якобы готовности помочь им в случае провала их планов¹⁸. Сунгуров, как выяснилось, вообще не был знаком с Филимоновым и не имел с ним никакой связи¹⁹. Рядовые члены подпольного кружка либо совершенно не слышали об архангельском губернаторе, либо знали и судили о нем лишь со слов Сунгурова и Гурова²⁰. Непродолжительное же знакомство Филимонова с Гуровым и приятелем последнего Д. А. Козловым было обусловлено, по признанию обеих сторон, совершенно случайными обстоятельствами²¹.

Филимонов мог бы рассчитывать на полную реабилитацию, если бы в самом же начале следствия дело его не осложнилось и не выдвинулись новые подозрения, перед которыми старые отошли на второй план.

В бумагах, отобранных у Филимонова при аресте и находившихся на рассмотрении в Петербурге, в Главном штабе, неожиданно обнаружены были письма к нему декабристов Г. С. Батенькова и А. Н. Муравьева, копия с письма декабриста В. И. Штейнгеля Николаю I, тетрадь с цитатами из проекта конституции Н. М. Муравьева, 65 заметок о государственном управлении и другие документы²².

Находки, сделанные в личном архиве Филимонова, направили секретное дознание о нем по новому руслу. Бумаги Филимонова, а равно и их описи лично просматривал Николай I, который среди прочих документов особо выделил письма Муравьева, Батенькова и копию с письма Штейнгеля²³ и тем самым определил характер и содержание последующих допросов.

1 августа 1831 г. Бенкендорф, исполняя повеление царя, приказал коменданту Петропавловской крепости получить от Филимонова письменные ответы на специальные вопросные пункты, приложенные к записке Бенкендорфа²⁴. Приводим полностью этот документ с вопросными пунктами и ответами на них Филимонова.

〈Вопрос первый:〉

Между Вашими бумагами находится:

1) Копия письма отставного подполковника барона Штейнгеля, от 11-го января 1826 года, писанного на высочайшее имя во время заключения его в Петропавловской крепости.

Объявите где, от кого именно и по какому поводу получили Вы эту копию?

〈Ответ Филимонова:〉

1) Сей список снят в Москве, с такого же, полученного мною от г. генерал-адъютанта Потапова, по поводу тому, что я всегда старался приобрести бумаги любопытные, в особенности касающиеся до России. Самого Штейнгеля я никогда не знал.

〈Вопросы второй и третьей:〉

2) Пять записок, писанных рукою бывшего полковника Батенкова и 3) Письмо Александра Муравьева, из коих явствует, что Вы состояли с ними в близких и дружеских связях.

Объясните откровенно: в каких именно сношениях находились Вы с Батенковым и А. Муравьевым и не знали ли или не подозревали ль Вы чего-либо о принадлежности их к злоумышленным обществам, до совершенного открытия оных правительством?

〈Ответы Филимонова:〉

2) В прошедшую французскую войну я был адъютантом генерала графа Толстого. Когда мы находились в окрестностях Гамбурга, А. Муравьев приезжал на несколько недель к отцу своему, служившему при графе же Толстом; я провел с ним это время весьма приятно. Знать или подозревать его в злоумышлении я не мог, ибо он едва ли и был тогда злоумышленником. Главная цель наша была: веселиться. По возвращении в Россию я видел его только раз, с 1816 г. совершенно потерял <...> из виду: он жил в деревне, я служил в Новгороде

и 3) В 1821 г. мне объявлено было высочайшее предназначение меня губернатором в Енисейскую губернию. По сему случаю М. М. Сперанский предоставил мне получать разные сведения, до Сибири относящиеся. Батенков был правителем дел сибирских. Получая от него упоминаемые сведения, я вошел с ним в сношение: он посещал меня часто. Но едва ли желалось ему видеть меня губернатором Енисейским — вместо меня назначен был г. Степанов. Причина сей перемены до сих пор осталась для меня тайною. С того времени Батенков посещал меня весьма редко. Я уехал из П<етер>бурга. По возвращении моем в оный в 1824 г. сношения мои с Батенковым были очень холодны, я виделся с ним не более трех раз: я был унижен — он занимался важными делами у графа Аракчеева и г. Сперанского. Еще я виделся с ним два раза в Москве, куда приезжал он на несколько дней. В бытность мою в П<етер>бурге, на самое короткое время, в начале 1825 г., — Батенков слишком был занят государственными делами, чтобы делить время с человеком, правительством отвергнутым, я был у него раз, он у меня совсем не был. Сим ограничиваются сношения мои с Батенковым. Знать о злоумышлении его я не мог, ибо мы никогда не были откровенны: я никак не мог приглядеться к его сибирским глазам <...> Впрочем, хотя глаза Батенкова не внушали доверия, я не имел повода подозревать его в злоумышлении; однакож всегда удивлялся: как мог он в одно время приспособляться к двум противоположным мнениям, гр. Аракчееву и г. Сперанскому? Умоляю: вывести меня из унижительного положения, в коем я нахожусь уже целый месяц. Я переносил бы его легче, если б оно не терзало людей, мне близких,

лишенных всякого со мной сношения и всякого пособия, которое для них необходимо. Уверяю честью: я не преступник. Причина оклеветания моего: мои излишняя правота и излишнее усердие к выгодам службы.

Действительный статский советник

Филимонов²⁵

Августа 2. 1831 г.

Филимонов отрицал, таким образом, свои идейные связи с Муравьевым и Батеньковым и настойчиво подчеркивал свою неосведомленность относительно принадлежности этих лиц к тайным обществам декабристов.

Николай I, неудовлетворенный ответами Филимонова, приказал Бенкендорфу потребовать от Филимонова дополнительные сведения о его знакомстве с Батеньковым. Однако новые ответы Филимонова не внесли существенных коррективов в освещение его отношений с декабристами²⁶. Ввиду отсутствия более конкретных материалов обвинения вопрос о связях Филимонова с Муравьевым и Батеньковым не получил дальнейшего развития и был затем снят²⁷.

Руководители следствия целиком сосредоточили свое внимание на копии с письма Штейнгеля, тем более что разъяснения Филимонова по поводу происхождения этой копии казались мало удовлетворительными. Между тем, самый факт нахождения копии с секретного документа в портфеле частного лица представлялся не только криминальным, но и загадочным.

Барон В. И. Штейнгель, участник Отечественной войны, отставной подполковник, бывший управляющий канцелярией московского генерал-губернатора, был видным членом Северного общества. Штейнгель известен как автор проекта приказа декабристов по войскам и одного из вариантов введения к манифесту, составленному утром 14 декабря. Осужденный по 3-му разряду, Штейнгель был приговорен к 20 годам каторжных работ²⁸. Письмо, копия с которого оказалась в бумагах Филимонова, было написано Штейнгелем в крепости 11 января 1826 г.²⁹ Характеризуя в этом письме причины появления революционных организаций в России, Штейнгель дал яркий очерк развития свободомыслия и оппозиционных настроений в стране, начиная с деятельности Новикова и кончая выступлением декабристов. Штейнгель выражал твердую уверенность в неистребимости идей, зароненных декабристами: «Сколько бы ни оказалось членов Тайного общества или ведавших про оное, сколь бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования». Штейнгель выступал как откровенный враг самодержавия и крепостничества. Он обращался к царю со смелыми упреками: «Правительство отделяло себя от государства и, казалось, верило, что оно может быть богато и сильно, хотя все сословия государственные и особенно народ в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом, что развратным и бедным народом легче и надежнее управлять, нежели имеющим гражданские добродетели и в довольстве живущим, а потому не прислушивалось к народному мнению, не входило в его нужды: повелело и требовало безусловного повиновения, хотя бы от того все разорилось <...> Должно ли после сего удивляться, что правительство потеряло народную доверенность и сердечное уважение и возбудило единодушное общее желание перемены в порядке вещей»³⁰.

Письмо Штейнгеля — программный документ большого общественно-политического значения. Обнаружение в бумагах Филимонова копии с этого документа необычайно обеспокоило следственные органы. 10 сентября 1831 г. военный министр А. И. Чернышев, выполняя распоряжение Николая I, предложил начальнику 1-го Округа корпуса

жандармов генерал-майору Балабину, чтобы он, за отсутствием в Петербурге в это время Бенкендорфа, отобрал у Филимонова «самое обстоятельнейшее сведение о том, когда, от кого и каким образом получил он найденное в отобранных у него бумагах письмо полковника Штейнгеля»³¹. 12 сентября 1831 г. Филимонов снова получил специальные вопросные пункты, на которые он немедленно дал требуемые от него ответы:

Вопросные пункты действительному статскому советнику Филимонову:

В отобранных у Вашего превосходительства бумагах найдено всеподданнейшее письмо полковника Штейнгеля, писанное им во время содержания его в С.-Петербургской крепости, по происшествию 14-го декабря 1825-го года. По сему случаю потребно от Вас откровенное и самое обстоятельное сведение:

1-е. Когда именно получили Вы помянутую бумагу?

2-е. От кого именно и каким образом?

3-е. На какой предмет помянутое письмо было к Вам доставлено?

⟨Ответы Филимонова:⟩

В Москве (как я имел уже случай отвечать), 1826 года, во время коронавания его императорского величества.

От генерал-адъютанта Потапова; списана мною с списка же, ему возвращенного, единственно из любопытства. Переписывала же ее искренний друг мой, женщина, которой уже нет, а что эта рука ее, легко слить по письмам сей женщины.

Я получил его, как и прежде объяснял, из желания иметь любопытные бумаги, особенно до России касающиеся.

Действительный статский советник

Филимонов³².

С.-Петербург.

Сентября 12-го дня 1831 года.

Генерал-адъютант А. Н. Потапов, от которого Филимонов достал список с письма декабриста Штейнгеля, — дежурный генерал Главного штаба, член Следственной комиссии 1825—1826 гг., один из наиболее близких в ту пору к царю военных администраторов. По требованию Николая I, генерал Потапов в специальной докладной записке «на высочайшее имя» должен был рассказать о причинах, обусловивших его близость к Филимонову:

Двоюродная сестра моя в замужестве за племянником Филимонова; эта родственная связь была началом моего с ним знакомства. В последствии времени, когда свверенным мне лейб-гвардии Конно-егерским полком квартировал я в Новгороде, где Филимонов был несколько лет вице-губернатором, знакомство наше сделалось еще короче. Образованным умом, разнообразными сведениями, непринужденным характером, но преимущественно своим пламенным усердием к государю и отечеству, он снискал мою доверенность и взаимная приязнь наша, основанная на сих чистых отношениях, была столь искренна, что я весьма сожалел, когда он, получив увольнение от должности вице-губернатора, оставил Новгород. В 1826 году, если не ошибаюсь, мы опять встретились в Петербурге, и как он находился еще в отставке, а бывший тогда правитель канцелярии дежурного генерала Главного штаба Вашего императорского величества Ноинский предназначался в генерал-аудиторы, то я, разумея Филимонова за человека благонадежного и весьма способного занять

место сие, не предварив однако ж его о моем намерении, решился доложить о нем покойному графу Дибичу Забалканскому, который лично и давно знал Филимонова (служив некогда со старшим братом его капитанами лейб-гвардии в Семеновском полку), одобрил мой выбор и приказал мне иметь его в виду. С сего времени я уже решительно прочил Филимонова служить вместе со мною — и, готовя ему самые близкие к себе отношения по званию правителя канцелярии, — старался благоприятно ознакомиться его с родом занятий дежурного генерала; испытывал образ его суждений и для сего нередко с полной откровенностью говорил с ним о делах службы. Не могу утвердительно сказать, где именно: в Москве ли, во время священного коронования Вашего императорского величества, или здесь, в Петербурге, но очень помню, что однажды вечером, разбирая вместе со мною большое количество бумаг, сданных мне начальником Главного штаба, в числе коих некоторые относились и до происшествия «14 декабря» 1825 года, он между ними нашел список со всеподданнейшего письма полковника Штейнгеля. Это письмо показалось ему столь любопытным, что он убедительно просил меня позволить ему взять оное на дом, для внимательного прочтения. Удостоверенный многократными опытами в скромности Филимонова, я согласился; но притом внушил ему всю важность подобной тайны и строжайше подтвердил хранить оную. На другой день, утром, получив обратно письмо Штейнгеля, я даже не подозревал, чтоб в столь короткое время можно было успеть списать копию. По обстоятельствам намерение мое не исполнилось, ибо г. Ноинский долго еще оставался правителем канцелярии, а Филимонов между тем определился в Министерство внутренних дел. Повергая к стопам Вашего императорского величества сие по возможности краткое, но подробное и чистосердечное донесение, я осмеливаюсь умолять Вас, всемилостивейший государь, не вменить мне в преступление моей доверчивости, быть может излишней, но совершенно благонамеренной.

Генерал-адъютант П о т а п о в ³³.

Николай I выразил неудовольствие по поводу неосторожности Потапова, из-за которой в руки частного лица попал секретный политический документ³⁴.

В рапорте царю от 20 сентября 1831 г. генерал-майор Балабин доносил: «Управляющий Главным штабом Вашего императорского величества генерал-адъютант граф Чернышев предписанием от 17-го числа сего сентября месяца за № 216 объявил мне высочайшее Вашего величества повеление: чтобы генерал-адъютант Потапов в присутствии моем внушил содержащемуся в крепости действительному статскому советнику Филимонову, сколь он неблагородно употребил во зло доверенность его, списав без его ведома копию с письма полковника Штейнгеля, как с такого акта, который по важности своей принадлежит к секретным делам высшего правительства; а мне повелено объявить г. Филимонову, что уже и один сей столь неблагонамеренный поступок, независимо от прочих предметов его обвинения, вполне доказывает справедливость принятых против него мер строгости»³⁵.

Таким образом, подозрение о принадлежности Филимонова к тайной организации Сунгурова было заслонено новым обвинением, гораздо более конкретным, но, как и первое, недостаточно документированным. Уверения Филимонова в том, что он снял для себя копию с письма декабриста Штейнгеля, руководствуясь исключительно мотивами праздного любопытства, представлялись неубедительными. Однако формальных оснований для предания его суду не оказалось³⁶. Он был только отрешен от службы и после четырехмесячного заключения в крепости выслан

в Нарву под надзор полиции. Через несколько лет этот полицейский надзор был с него снят. Но несмотря на полную реабилитацию, Филимонов до самой смерти ощущал на себе роковые последствия истории с письмом Штейнгеля³⁷.

* * *

Итак, в 1826 г. из секретных фондов канцелярии Главного штаба уходит такой значительный политический документ, как историческая записка декабриста В. И. Штейнгеля, адресованная Николаю I. Документ этот в течение нескольких лет оказывается в распоряжении человека, связанного с представителями передовой литературной общественности 1810—20-х годов. Самый факт хранения Филимоновым письма Штейнгеля не дал бы оснований утверждать, что это письмо сразу стало общественным достоянием, если бы мы не располагали сведениями о других списках с этого документа.

Так, например, П. И. Бартенев, публикуя в «Русском архиве» 1895 г. записку Штейнгеля по списку К. П. Победоносцева, отмечал, что в его распоряжении имелся и другой список с этого документа, принадлежавший М. И. Топильскому, зятю декабриста³⁸. История происхождения обеих копий неясна, но гипотеза о восхождении хотя бы одной из них к списку Филимонова представляется нам весьма вероятной. Являясь обладателем такого интересного политического документа, Филимонов мог познакомиться с его содержанием своих ближайших друзей и единомышленников.

После катастрофы, постигшей Филимонова в 1831 г., он прожил еще более двадцати лет, много писал и печатал, но сколько-нибудь заметного положения в литературе занять не мог. Его знали лишь как адресата одного из пушкинских посланий. Из всех произведений Филимонова только одна его старая поэма «Дурацкий колпак» получила положительный отзыв Белинского³⁹. Одиноким и всеми забытым, пережившим себя и свое поколение, Филимонов доживал свои дни вблизи Ораниенбаума. В 1853 г. с ним случайно познакомился И. И. Панаев, который оставил воспоминания об этом последнем периоде жизни Филимонова⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общественно-политическая жизнь Москвы конца 20-х — начала 30-х годов освещена в работах: М. Я. Поляков. Студенческие годы Белинского («Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 303—416); Ю. Г. Оксман. Белинский и кружок Н. С. Селивановского («Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XXXI, 1952, стр. 242—262); В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. М., 1954, стр. 29—60; вводная статья В. И. Безъязычного к Сочинениям Александра Полежаева. М., 1955, стр. 10—18.

² Во всех работах и справочниках по истории революционного движения 30-х годов (в том числе и в статье Б. М. Эйхенбаума «Тайное общество Сунгурова». — «Заветы», 1913, № 3) предатель, выдавший тайную организацию Сунгурова, ошибочно назван Поллоником. В документах дознания фамилия доносчика точно обозначена как Поллонин (ЦГИА, ф. № 109, 1 экзп., секретное дело «О действительном статском советнике Филимонове», 1831 г., № 417, лл. 55, 132, 134 и др.).

³ Б. М. Эйхенбаум. Тайное общество Сунгурова. — «Заветы», 1913, № 3, стр. 49.

⁴ Владимир Сергеевич Филимонов (1787—1858) — сын богатого рязанского помещика, воспитанник Московского университета, участник Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 гг. С 1811 г. Филимонов служил чиновником в Коллегии иностранных дел, а в 1817 г. был назначен новгородским вице-губернатором. После ухода в 1822 г. в отставку он некоторое время жил в Москве, откуда в январе 1825 г. переехал в Петербург. В 1829 г. Филимонов получил назначение на пост архангельского гражданского губернатора и оставался в этой должности вплоть до своего ареста в 1831 г.

В литературу Филимонов вошел как поэт, переводчик, беллетрист и драматург. Он печатался почти во всех журналах и альманахах первой трети XIX в. Перу Филимонова, кроме многочисленных переводов из Горация и оригинальных стихотворений,

принадлежали также две поэмы («Дурацкий колпак» и «Обед»), несколько романов и пьес. В своих произведениях Филимонов не смог дать ни ярких поэтических образов, ни подняться до больших типических обобщений. Его критика дворянства как правящего класса была весьма умеренной и имела общепросветительский характер.

Свод библиографических данных о Филимонове сделан С. А. Венгеровым в примечаниях к Полн. собр. соч. В. Г. Белинского, т. IV. СПб., 1901, стр. 504—508. Биографические сведения о Филимонове дают также Б. Л. Модзалевский (Пушкин и в. Письма, т. I. М.—Л., 1926, стр. 397—399) и В. Н. Орлов («Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов». Л., <1934>, стр. 528).

⁵ Филимонов писал о Жуковском, как о своем поэтическом наставнике, в примечаниях ко II части сборника «Прозы и стихов» (СПб., 1822). О близости Филимонова к Жуковскому — см. также прим. 11.

⁶ О связях Филимонова с Воейковым — см. в примечаниях к I части его сборника «Прозы и стихов» (СПб., 1822), а также «Записки» И. П. Сахарова («Русский архив», 1873, кн. 1, стр. 942). С письмом Батюшкова к Гнедичу Филимонов приехал в Петербург из Москвы в 1811 г. («Константин Николаевич Батюшков в письмах к Ник. Ив. Гнедичу». — «Русская старина», 1883, № 4, стр. 111).

⁷ В почетные члены Вольного общества любителей российской словесности Филимонов был избран одновременно с Крыловым, Жуковским, Батюшковым и М. М. Сперанским (см. Б а з а н о в, стр. 409). Благодаря Ф. Н. Глинке Общество, ко времени вступления в него Филимонова, стало центром по собиранию и вовлечению в политическую деятельность передовых литераторов, театралов и ученых (см. Рылеев. Стих., стр. XXIII—XXIV).

⁸ С Н. А. Полевым, начинающим в ту пору журналистом, Филимонов познакомился в Москве в 1820 г., стал его литературным покровителем, а затем и компаньоном по владению водочным заводом. После переезда Филимонова в столицу отношения между ними поддерживались перепиской. Через Филимонова Полевой завязывал литературные связи и деловые знакомства (так, он познакомился с П. П. Свиньиним). Дружба между Филимоновым и Полевым неожиданно оборвалась в 1824 г. Причиной разрыва послужили, видимо, денежные недоразумения.

О взаимоотношениях Полевого и Филимонова — см. «Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого» Кс. А. Полевого («Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов». Ред. В. Орлова. Л., <1934>, стр. 131—135, 149, 151).

⁹ Близость Филимонова с А. А. Бестужевым относится к 1824—1825 гг. В дневнике Бестужева находим запись от 11 июля 1824 г.: «Вечером у Филимонова» («Памяти декабристов», I, стр. 67). Кс. Полевой рассказывает эпизод, свидетельствующий о дружбе Филимонова с Бестужевым и об их размолвке около 1825 г. («Николай Полевой...», стр. 184—185).

¹⁰ В марте 1828 г. Филимонов послал Пушкину первый выпуск своей поэмы «Дурацкий колпак» со стихотворным посвящением, написанным на обложке:

Вы в мире славою гремите.
Поэт! В лавровом вы венке.
Певцу неизвестному простите:
Я к вам являюсь в колпаке.

Пушкин вскоре же ответил автору «Дурацкого колпака» посланием «В. С. Филимонову». Дружеское расположение к Филимонову не мешало, впрочем, Пушкину подчас насмешливо отзываться о его литературных упражнениях. Так, в одном памфлетном наброске 1827 г. Пушкин в явно пародийных целях использовал слова Филимонова из его объявления об издании им книги «Искусство жить».

«Сии-то <...> нападения принудили меня, — писал Пушкин, — в первый раз выступить на поприще писателей, надеясь быть полезным любезным моим соотечественникам, пока неумолимые Парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Ф. (Филимонов) в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке «своего сочинения» (Пушкин и в. т. XI, стр. 62—63).

¹¹ В 1828 г. на вечеринке, устроенной Филимоновым, были Пушкин, Вяземский и Жуковский (см. Пушкин и в. Письма. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского, т. II. М.—Л., 1928, стр. 60—61 и 324—326, а также письма Вяземского к жене 1828 г. — «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 75—76, 79).

¹² Б. М. Эйхенбаум. Тайное общество Сунгурова. — «Заветы», 1913, № 3, стр. 19, 20.

¹³ Материалы секретного дознания по делу Филимонова были обнаружены Ю. Г. Оксманом в 1925 г. в архиве Главного аудиториата Военного министерства.

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. Главного аудиториата Военного министерства, секретное дело «О действительном статском советнике Филимонове». Начато 10 июля 1831 г., кончено 24 сентября 1831 г. (№ 541, литер А, лл. 5—6).

¹⁵ ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., секретное дело «О действительном статском советнике Филимонове», 1831 г. Начато 14 июля 1831 г., кончено 12 августа 1847 г. (№ 417, л. 46).

¹⁶ Там же, лл. 54—56.

¹⁷ Там же, лл. 131—137. — В этой более поздней справке (самый текст ее приведен на лл. 132—137) показания обвиняемых сунгуровцев представлены полнее, чем в предыдущей выписке. Кроме того, в справке приведены и ответы Филимонова.

¹⁸ Показания Сунгурова и Гурова о Филимонове — там же, лл. 55, 56, 132—134. Гуров вообще усомнился в наличии у Филимонова революционных качеств и выразил это в краткой, но весьма примечательной характеристике: «...чтобы он, Филимонов, был членом какого-либо общества, он, Гуров, не смеет и думать» (там же, л. 133).

¹⁹ Филимонов в своих показаниях также отрекся от знакомства с Сунгуровым (там же, л. 134).

²⁰ Так, И. И. Костенецкий ссылался на Гурова, который будто бы «говорил ему в показание могущества Общества, что знаком с сим губернатором и что он в числе членов». Подпоручик Ф. Седлецкий, судя по его словам, «слышал от Сунгурова, что в Обществе состоит членом какой-то губернатор, кажется архангельский» (там же, л. 55). Эти показания, как и обмолвки Сунгурова и Гурова (например, Гуров показывал, что он, Гуров, «приглашаемым в Общество, не говорил ли о ласках к себе Филимонова и они не приняли ль того, что и он член Общества», л. 56), подтверждают высказанную выше мысль об известной заинтересованности руководителей кружка в Филимонове и об их попытках представить его своим союзником.

²¹ Гуров и Козлов знали Филимонова несколько лет; оба встречались с ним в 1824 или в 1825 г. в Рязани и Москве, куда тот приезжал для продажи одного из своих имений камер-юнкеру Козлову, а последний, кроме того, виделся с Филимоновым в 1828 г. в Петербурге. Однако это знакомство, по утверждению как Филимонова, так и Козлова и Гурова, связано было лишь с упомянутой торговой сделкой (там же, лл. 56, 63, 64, 133—136).

²² К сожалению, вещественные доказательства в «деле» не сохранились. Остались лишь описи бумаг и вся официальная переписка по делу Филимонова. Кроме перечисленных в тексте документов, в архиве Филимонова находились заметки о государственном устройстве, письмо Н. А. Полевого от 1822 г., какие-то запрещенные стихи Пушкина, записки и письма неизвестных лиц, содержащие в себе «вольные» политические мысли, а также вся служебная и частная корреспонденция Филимонова (см. описи бумаг Филимонова. — Там же, лл. 28—38).

²³ Отметки Николая I на лл. 30, 31.

²⁴ Там же, л. 40.

²⁵ Там же, лл. 43—44.

²⁶ Вопросный пункт о связи с Батеньковым и ответ Филимонова — там же, л. 49.

²⁷ Остальные документы, находившиеся в бумагах Филимонова, не обсуждались на следствии. Возможно, что в этом сказалось требование царя и руководителей следствия сократить слишком затянувшийся процесс.

²⁸ Биография В. И. Штейнгеля дана в статье В. И. Семевского «Барон Владимир Ив. Штейнгель». — «Общественные движения», т. I, стр. 281—320.

²⁹ Письмо Штейнгеля впервые опубликовано было при жизни автора — в Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне, кн. I. Лондон, 1859, стр. 101—125; текст приводится в изд.: «Общественные движения», стр. 475—492 и в кн.: А. К. Б о р о з д и н. Из писем и показаний декабристов. Критика современного состояния России и планы будущего устройства. СПб., 1906, стр. 55—72.

³⁰ А. К. Б о р о з д и н. Указ. соч., стр. 63—64, 69.

³¹ ЦГИАЛ, секретное дело «О действительном статском советнике Филимонове», 1831 г., № 541, литер А, лл. 18—20.

³² Там же, л. 22.

³³ Там же, лл. 26—27.

³⁴ В письме генерал-адъютанта Чернышева к Потапову отмечено, что «государь император, прочитав всеподданнейшее письмо Потапова и записку его же (...) изволил находить, что хотя г. Филимонов употребил во зло доверенность Вашу самым неблагоприятным образом, сняв без ведома Вашего копию с сей бумаги, не менее того его величество неосторожность Вашу в сообщении г. Филимонову сего секретного акта, даже и для прочтения, не мог усмотреть иначе, как с неудовольствием» (там же, л. 28).

³⁵ Там же, лл. 34—35.

³⁶ В «заключении» о Филимонове, сделанном генерал-аудитором и утвержденном царем в январе 1833 г., говорилось: «... хотя Филимонов и был знаком с подсудимыми Сунгуровым и Гуровым, но вины его по производству означенного дела никакой не обнаружено, а потому он и ответственности не подвергается». И далее: «Объяснившееся не вполне обстоятельство насчет списания им копии с письма Штейнгеля не представляет повода обвинить его в злонамерении, но скорее есть поступок необдуманной,

искупленный им потерю службы и тяжким наказанием» (ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., д. 417, лл. 249 и 252).

³⁷ Николай I всю жизнь не прощал Филимонову его поступка с письмом Штейнгеля. Это тяжело отразилось на дальнейшей судьбе Филимонова. Он остался без службы и средств к существованию, ему было запрещено жить в обеих столицах. Правда, в 1836 г. он получил разрешение поселиться в Москве, но Петербург до самой смерти оставался для него запретным (ЦГИА, ф. № 109, 1 эксп., д. 417, лл. 113, 127—128, 161—162, 170, 220).

³⁸ «Русский архив», 1895, № 2, стр. 161.

³⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Под ред. С. А. Венгерова, т. IV. СПб., 1901, стр. 55—58. — Отзывы Белинского о других произведениях Филимонова см. там же, т. V, стр. 225; т. VI, стр. 484—490; т. IX, стр. 358—360. Строгий суд Белинского будет понятен, если учесть метаморфозу, которую претерпел Филимонов после процесса 1831 г. Поэт, имевший успех в передовых общественных кругах 1820-х годов, к концу жизни выродился в литературного пустослова, стал графоманом.

⁴⁰ «Современник», 1858, № 9, стр. 112.